

4—5 месяцев. В конце февраля 1832 г., через месяц-другой после выхода в свет третьего тома «Театра», появляется III часть «Стихотворений Александра Пушкина», в которой под цифрой IV помещается «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди». А 11 июля 1832 г. Пушкин напишет Погодину известные нам теплые, доброжелательные слова о Шишкове и его «Фортунае».

Существует ли какая-либо связь между переводом Шишкова и выходом в свет пушкинских сказок? Думается, что существует. Но для уяснения этой связи следует восстановить контекст споров, возникших сразу после публикации «Сказки о царе Салтане».

Первым откликнулся Н. Полевой — в апрельском номере «Московского телеграфа» за 1832 г. Рецензент особенно недоволен тем размером, каким написан «Царь Салтан»: этот размер (четырёхстопный хорей с парными рифмами), по мнению Н. Полевого, «не ладит с духом русской сказки» [4, с. 572], поскольку является принадлежностью искусства нового времени. Критик уподобляет пушкинскую сказку произведениям, написанным в жанре сказочной поэмы («Бова» Радищева, «Добрыня» Львова, «Илья Муромец» Карамзина). Это сделано, конечно же, не случайно: именно эти произведения в 1830-е годы стали классическим образцом того, как вторжение авторской манеры в фольклорный сюжет может придать всему произведению качество, далекое от подлинной народности. «Нам не нравится, — выскажется позднее Н. Полевой по поводу сказки В. И. Даля „О некоем православном покойном мужичке и о сыне его Емеле-дурачке“, — это желание подделаться под русские сказки. ... Что естественно и даже прелестно в природе, то почти всегда несносно и утомительно в подражании; или давайте просто природу, или творите как художник» [5, с. 104—105]. Последнее означало, по Н. Полевому, «создавать свое», т. е. жанровые формы современного искусства, «напитавшись» при этом «духом народным» [5, с. 105]. «Ибо невозможно, — вторит своему брату Кс. Полевой, — русскому XIX столетия стать русским XIII или даже XI столетия» [6, с. 124]. В пылу разгоревшейся полемики Полевы и не заметили, как приписали Пушкину да и всем остальным писателям-сказочникам ту цель, какую ни один из них перед собой не ставил: создание математического равенства между копией и оригиналом. Превратно понятая цель приводила Полевых и к неверным выводам: писательская сказка, избирающая своим предметом фольклорный сюжет, объявлялась жанром неплодотворным, а потому ненужным.

Впрочем, так считали не все. И прежде всего так не считал переводчик и составитель «Избранного немецкого театра» А. А. Шишков. «Фортунае» — единственная пьеса альманаха, которая предваряется специальным предисловием Шишкова. Его полный текст воспроизводит в своей статье Р. Ю. Данилевский, однако оставляет этот текст без развернутого анализа. Вместе с тем предисловие носит программный характер и дает, на наш взгляд, ключ, объясняющий близость позиций Шишкова и Пушкина.

Автор предисловия представляет русской публике произведение новое, созданное в непривычном отечественному читателю жанре сказочной драмы. Понятно, что не драма могла отпугнуть любителей словесности, а скорее «сказочная» ее форма. Именно этой теме и посвящает Шишков центральные идеи своего этюда. «... Самая сказка: „Фортунае“, — пишет переводчик, — не наша народная; однако ж надеемся, что труд сей будет принят благосклонно. Быть может, он заставит даже молодых наших поэтов

фическом прибавлении № 15 «Северной пчелы» за 1832 г. приводится список книг, вышедших с 1 декабря 1831 г. по 1 мая 1832 г. В этот список и включены второй — четвертый тома «Избранного немецкого театра». Уточнить срок выхода «Фортунае» помогает объявление самого Шишкова, сделанное им в № 12 «Молвы» за 1832 г. (от 9 февраля). Русский переводчик говорит о хорошем приеме читающей публикой *четырёх* томов альманаха и в этой связи обещает продолжить издание. Сопоставление этих данных позволяет установить время публикации «Фортунае»: декабрь 1831 — январь 1832 гг.